

УДК 811.111

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ЧЕРТ ОБРАЗОВ АПОСТОЛОВ В "БИБЛЕЙСКОЙ" ТРИЛОГИИ Э.БЕРДЖЕССА

© А.Г.Гайнутдинова

В данной статье рассматривается специфика авторской интерпретации архетипических черт образов апостолов в "библейской" трилогии Э.Берджесса на примере романа "Человек из Назарета". Особое внимание в статье уделяется анализу образов Петра и Иуды и связанной с ними неисчерпаемой темы предательства и отречения.

Ключевые слова: английская литература, литературно-художественная интерпретация Библии, образы апостолов в мировой литературе.

Каждый раз, сталкиваясь с произведением на библейскую тему, мы начинаем воспринимать его прежде всего как очередную интерпретацию. Забывая о праве автора на субъективность, мы зачастую нагружаем текст неким смысловым обязательством перед первоисточником. Главное при этом "не ограничиваться вопросом: "верно или не верно" [1], а проникать в саму специфику изображенной действительности.

Проблема интерпретации евангельской темы достаточно актуальна в мировой литературе, что в первую очередь обусловлено большим интересом авторов к ней. К данной проблеме обращались Х.Л.Борхес ("Три версии предательства Иуды"), Дороти Л.Сейерс ("Непопулярные мнения"), Дж.Апдайк ("Чтоб камни сделались хлебами"), А.Зверев ("Ты видишь, ход веков подобен притче..."), Я.Кротов ("Христос под пером") и др. Характеристика произведений-интерпретаций на библейскую тематику дана в статье Дж.Апдайка "Чтоб камни сделались хлебами" [2], в которой писатель отмечает частотность неканонического изображения евангельских сюжетов в литературе. Предметом его исследования становится роман Н.Мейлера "Евангелие от Сына Божия". Дж.Апдайк уделяет особое внимание изучению образной системы романа, что, по его мнению, является основой проблемы литературно-художественной интерпретации. Проблеме канона и интерпретации библейской темы посвящена также статья А.Зверева "Ты видишь, ход веков подобен притче..." [3]. На примере ряда произведений ("Последнее искушение Христа" М.Скорсезе, "Евангелие от Иисуса" Ж.Сарамаго, "Евангелие от Сына Божия" Н.Мейлера, "Евангелие от Матфея" П.П.Пазолини) критик исследует проблему литературно-художественной интерпретации Евангельского текста. Исследователь в своей статье стремится раскрыть причину обращения авторов к "истории, изложенной четверьмя евангелистами" и находит ее в "бездон-

ной глубине этического смысла, который она в себе заключает".

К работам, посвященным рассмотрению образной системы романов на библейские сюжеты, можно отнести "Непопулярные мнения" Дороти Л.Сейерс [4], статью Я.Кротова "Христос под пером" [5]. Непосредственно роману Э.Берджесса посвящены статьи Н.С.Бочкаревой "Искушение Христа в романах Э.Берджесса и Н.Мейлера" [6], где преимущественно анализируется образ Христа, и Л.Ф.Хабибуллиной "Функция образов апостолов в романе Э.Берджесса "Человек из Назарета" [7]. Опираясь на некоторые положения последней статьи, мы тем не менее уделяем основное внимание социальной атрибуции персонажей. Новизна настоящей работы заключается в рассмотрении образной системы с точки зрения канона, позволяющей выявить архетипические черты исследуемых образов, их интерпретации в тексте и определения характерных художественных особенностей авторской трактовки евангельских персонажей.

Для реализации библейских мотивов в мировой художественной литературе зачастую авторами наряду с образом Иисуса Христа вводятся и образы апостолов. Освобождая героев Нового завета от строгих рамок канона, писатели дают им новую интерпретацию, новую жизнь за пределами Библии, соотнося их прежде всего с запросами времени. Чаще при таких преобразованиях сохраняется содержательная связь с первообразом Нового завета, но есть немало и таких примеров, когда художник вступает в противоречие с каноном, перетолковывая суть образа. Подобное несоответствие канону при создании образов апостолов мы наблюдаем в романе Э.Берджесса "Человек из Назарета".

Образы апостолов у Э.Берджесса обусловлены прежде всего своей социальной атрибуцией. Часть учеников принадлежит к "трудовой" среде: это рыбаки Андрей, Петр, Иоанн, Иаков, садов-

ник Фома. Профессиональная принадлежность первых указана и в Евангелиях, в этом отношении автор не отходит от канона. В изображении следующего ученика, Матфея, автор опирается, в первую очередь, на Евангелие от Луки, в котором, в отличие от других, мы видим конкретное указание на социальный статус апостола ("Иисус... увидел... мытаря, именем Левия..." /Лк 5:27-29/). У Э.Берджесса Матфей (так же, как и в третьем писании) носит одно из своих трех имен – Левий.

Апостолов Филиппа и Фадея (согласно Евангелию, Иуда Иаковлев, упоминаемый также под именами Фаддей и "Леввей, прозванный Фаддеем", брат апостола Иакова Младшего /Мф 10:3/) автор относит к "творческой" среде: один сочиняет песни, другой играет на флейте. С образами этих персонажей Берджесс вводит в свой роман тему искусства [7], которая становится одним из способов переосмысления евангельского сюжета. При этом Э.Берджесс рассматривает вариант не только высокого, но и низового искусства. Так, Иаков – он же Иаков Зеведеев, или Иаков Старший, ярмарочный боец [8: 269]. Согласно писанию, Иисус нарек Иакова именем Воанергес, означающим "сын грома", за его ревностную службу /Мк 3:17/. Берджесс главный акцент при описании его образа делает на характеристике физической силы.

Следующий персонаж, чей образ выписан и представлен более широко, чем предыдущий, – Фома. Согласно сюжету романа, апостол оказывается бывшим садовником в доме заболевшей девочки, принятой за умершую. Отражение этого эпизода мы можем увидеть в Евангелиях, хотя там четко не обозначена принадлежность Фомы к этому дому. "Фома – означающее "близнец"... Не склонный к легковерию, Фома всегда стремился лично убедиться в том, что ему говорят, дойти до сути" [8: 688]. Образ "неверующего" используется и Берджессом. Автор "отдает Фоме роль главного сомневающегося, человека не слишком умного и несколько косного, что не расходится и с христианской традицией его изображения" [9: 128].

Варфоломей – один из двенадцати апостолов Иисуса Христа, упоминаемый в писаниях также под именем Нафанаил, родом из Каны Галилейской, тоже мог в какой-то степени претендовать на роль "неверующего" [8: 688], ведь лишь увидевшись и поговорив с Иисусом, он признал: "Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев" /Ин 1: 45-49/. Однако Берджесс сохраняет эту черту лишь относительно образа Фомы. Варфоломей же в романе наделяется другой чертой – способностью исцеления, что в свою очередь расценивается ав-

тором не как божественный дар (свойственный Христу), а всего лишь как некий результат любви "собирать цветы, а затем проверять, не оказывают ли их случайно подобранные сочетания успокаивающего действия на его желудок ... не снимают ли они боли в суставах" [9: 194].

Все апостолы, по Берджессу, первоначально отличные друг от друга люди из разных слоев, представляющие разную профессиональную сферу (Филипп – певец, Иаков и Иоанн – рыбаки, Фома – садовник и т.д.), что, на наш взгляд, позволяет говорить о невозможности идеологического объединения героев. Данный факт подтверждается и тем, что объединяющим фактором в отношении апостолов стала смена образа жизни. Так, например, Фома объясняет причину ухода от прошлой жизни и воссоединения с Христом следующим образом: "Одной из главных причин, почему мне хотелось уйти, был плач и смертный ужас, которые эта деревянная дудка исторгала каждый день с утра до вечера..." [9: 184]. В дальнейшем ученики оказываются не способными к преодолению их первоначальной разобщенности, что приводит к непониманию идей Христа. Часто его учения вызывают у них глубокие сомнения и недопонимание: "Воодушевленные учением своего наставника, в котором главное внимание уделялось достаточности хлеба насущного и обличению зла, они, тем не менее, имели весьма смутное представление о своей будущей жизни" [9: 193]; "...мы привыкли верить ... в общем, очень уж это долгий срок – пока из зернышка вырастет дерево. Иногда это целая человеческая жизнь" [9: 223]. Фома признается: "У меня всегда были сомнения... сомнения насчет всего этого предприятия – стоит ли вообще овчинка выделки..." [9: 225]. Отметим, что стилистический анализ приведенных примеров позволяет говорить о нарочито сниженной речи апостолов, что недопустимо с точки зрения канона.

Рассмотрим особенности изображения апостола Петра, образ которого выписан достаточно ярко и играет в произведении одну из доминирующих ролей. С ним связана тема предательства в романе; Берджесс делает попытку взглянуть на этот образ как второй возможный вариант образа апостола-предателя. Берджесс показывает Петра, который нарушает клятвы верности: спит во время знаменитого бодрствования Иисуса, в то время как Иуда не спит [9: 290]. Согласно канону, Петр занимал особое положение среди апостолов: во всех списках его имя стоит на первом месте. Правильно ответив на вопрос Иисуса: "За кого почитаете Меня?", он услышал от Учителя: "Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне

Я создам Церковь мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах" /Мф 16: 15-19/. Весьма ревностный ученик, Петр неоднократно свидетельствовал Иисусу свою любовь и преданность. Услышав от Учителя, "что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать ... и быть убиту, и в третий день воскреснуть", Петр, отозвав Иисуса, "начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобою!". После Тайной вечери Петр заявил Учителю о своей готовности идти с ним в темницу и на смерть, положить за него душу и услышал в ответ: "Не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня" /Мф 16: 21-22, 26: 33-35; Мк 8: 31-32, 14: 29-31; Лк 22: 31-34; Ин 13: 36-38/. Согласно Евангелию от Матфея, Иисус говорит Петру: "Отойди от Меня, сатана! Ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое". Таким образом, можно говорить о педалировании Берджессом канонических источников при создании образа Симона. Автор, усиливая евангельские характеристики Петра, подталкивает читателя на определенное переосмысление данного персонажа.

В противовес этому концепция образа Иуды оказывается совершенно иной. Традиционно именно Иуда Искариот ассоциируется с идеей предательства, как в религиозной литературе, так и в сознании обычного человека. Однако в романе Берджесса образ Иуды получает новую интерпретацию. Переосмысление образов как Петра, так и Иуды сводится не только к рокировке их роли в отношении Иисуса, автор предлагает читателю альтернативу в выборе преступника, дает право определять, кто же мог действительно быть предателем. Согласно апокрифическому источнику [10: 101], предательство Иуды было предписано ему самим Иисусом Христом и являлось необходимым условием реализации высшего служения Иисуса, направленного на искупление грехов человеческих во имя спасения мира. Именно эту точку зрения подхватывает и развивает в своем романе Э.Берджесс. Автор утверждает, что Искариот невиновен, что он "совершает предательство по наивности, стремясь, наоборот, спасти Христа" [9]. С восхищением, восторгом и верой Иуда рассказывает об Иисусе и его учении: "Гигант с громоподобным голосом и огромными глазами. Вот где надежда Израиля. Священник среди царей и царь среди священников..." [9: 248]. По Берджессу, Иуда был попросту обманут Зарой, который твердил ему о мнимом спасении Иисуса.

Берджесс соотносит образ Иуды с образом самого Христа. Он показывает нам не предательство во имя наживы, а предательство во имя любви. В романе Иуда выступает, чуть ли не единственным из апостолов, по-настоящему верующим в божественное предназначение Учителя. Автором показана очень глубокая прочувствованность Иудой Христа на уровне мысли и даже настроений: "Среди насмешников и придира был один молодой фарисей, которому не очень-то хотелось отмахиваться от этого высокого, могучего проповедника как от глупца. В его проповедях он находил здравый смысл и то, что греки называют логикой..." [9: 204]; "Все ученики, кроме Иуды, ели с аппетитом, а Иисус к еде едва притронулся" [9: 284]. Христос в свою очередь подчеркивает положительные черты Иуды: "Ты слишком совестливый человек, – покачал головой Иисус. – Ты словно несешь на себе бремя грехов всех нераскаявшихся фарисеев" [9: 214]. Воскреснув, Иисус также по-доброму вспоминает Иуду [9: 353].

Нужно отметить и весьма нетрадиционно интерпретированный в романе один из ключевых моментов – "знаменитая сцена пророчества о предательстве": "Тот, кто опустит свой хлеб в блюдо с соусом одновременно со мной, тот и предаст меня" [9: 285]. Вновь мы сталкиваемся с отступлением от канона, так как здесь не видим прямого указания на Иуду; по Берджессу, одновременно хлеб опустил и Петр: "Петр любезно обратился к Иуде: – ты недоел свой хлеб. Когда он такой черствый. Он, понятно, плохо идет. Вот так! – выхватив у Иуды кусок хлеба, который тот держал кончиками пальцев, Петр опустил хлеб в соус в тот самый момент, когда то же сделал Иисус" [9: 288].

Изучение специфики образной системы как основы проблемы литературно-художественной интерпретации позволяет выявить ряд важных особенностей романа. Во-первых, это свойственная роману реалистическая тенденция в изображении библейских персонажей, ставящая перед собой задачу сохранения пietetа к предмету изображения. Во-вторых, это ориентация на биографическую составляющую в воссоздании образов. И, в-третьих, это неприкрытое и достаточно глубокое взаимодействие черт архетипического и неканонического характера в изображении апостолов.

1. *Лихачев Д.* Внутренний мир художественного произведения // *Вопр. лит.* – 1968. – №5. – С.76.
2. *Андайк, Дж.* Чтоб камни сделались хлебами: Норман Мейлер и искушения Христа // *Иностр. лит.* – 1998. – №5. – С.230-234.

3. *Зверев А.* "Ты видишь, ход веков подобен притче..." // *Иностр. лит.* – 1998. – №5. – С.235-244.
4. *Дороти Л. Сейерс* Непопулярные мнения // *Иностр. лит.* – 1998. – №5. – С.226-230.
5. *Кротов Я.* Христос под пером // *Иностр. лит.* – 1998. – №5. – С.245-253.
6. *Бочкарева Н.С.* Испытание Христа в романах Э.Берджесса и Н.Мейлера // *Проблемы идентичности, этноса, гендера в культуре и литературах Старого и Нового Света: сб. науч. статей / под ред. Ю.В.Стулова.* – Мн.: ПроPILEн, 2004. – С.275-279.
7. *Хабибуллина Л.Ф.* Функция образов апостолов в романе Э.Берджесса "Человек из Назарета" // *Библия и национальная культура: межвуз. сб. науч. ст. и сообщ. / Отв.ред. Н.С.Бочкарева.* – Пермь. – 2004. – С.126-129.
8. *Герои и мифы / А.П.Кондрашов.* – М.: РИПОЛ классик, 2008. – 768 с.
9. *Берджесс Э.* Человек из Назарета: Роман / пер. с англ. В.Бублика. – М.: Текст, 2000. – 365 с.
10. *Евангелие от Иуды / пер. с коптского и ред. Родольфа Кассера, Марвина Мейера и Грегора Вюрста: пер. с англ. И.А.Бочкова, А.Г.Георгиева / под ред. канд. филос. наук И.П.Давыдова.* – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 190, [2] с.

FICTITIOUS INTERPRETATION OF THE APOSTLES' ARCHETYPAL FEATURES IN A.BURGESS'S BIBLICAL TRILOGY

A.G.Gainoutdinova

This article deals with interpretation specificity of the Apostles' archetypal features in A.Burgess's biblical trilogy. Detailed characteristic of the apostles reveals the main sources of their primary disunity, difference from each other in the novel. The article gives particular attention to the analysis of Peter's and Judas's characters and the inexhaustible theme of treachery and denial, which Burgess understands in a different way.

Key words: Anthony Burgess, English literature, literary interpretation of the Bible, the Apostles' images in Literature.

* * * * *

Гайнутдинова Алсу Гарефетдиновна – соискатель кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.

E-mail: anva29@rambler.ru

Поступила в редакцию 29.12.2010